

«УТЕШАЮСЬ, ЧТО У НЕГО СВОЕ, А У МЕНЯ СВОЕ»: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ Л.Н. ТОЛСТОГО С Э. ТРОЛЛОПОМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

Предпринимаются попытки выявить причины пристального интереса Л.Н. Толстого к романам Э. Тrollope, наметить расхождения и точки пересечения в их творчестве. Для сопоставления художественных принципов писателей проводится сравнительно-типологический анализ ключевых образов романа Э. Тrollope «Барчестерские башни», романа «Анна Каренина» и повести «Отец Сергей» Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; Э. Тrollope; творческий диалог; роман; образ; психологизм; священнослужитель.

В ряду русских и зарубежных писателей, произведения которых читал и комментировал Л.Н. Толстой, особое место занимает Энтони Тrollope (1815–1882). Чрезвычайно критично относившийся не только к своим, но и к чужим трудам, Толстой отзывается о романах Тrollope с необыкновенным восхищением и даже завистью. «Троллоп убивает меня своим мастерством, – записывает он в дневнике 2 октября 1865 г. – Утешаюсь, что у него свое, а у меня свое. Знать свое – или, скорее, что *не мое*, вот главное искусство»¹ (48, 64). В настоящей работе будет предпринята попытка наметить расхождения и точки пересечения в творчестве Толстого и Тrollope («свое» и «не свое» в Тrollope для русского писателя) путем анализа образного ряда их произведений.

Как ни удивительно, проблема «Толстой и Тrollope» еще ни разу не становилась предметом комплексного рассмотрения, хотя к этому подталкивает не только факт знакомства Толстого с творчеством своего британского коллеги, но и очевидные черты типологической близости: Толстой и Тrollope принадлежат к одной эпохе и являются одними из величайших мастеров художественного психологизма в литературе. Единственную серьезную попытку сопоставить творческий метод писателей предпринял в 1975 г. английский публицист Ч.П. Сноу. В своей работе «Творчество Тrollope» он называет главным даром Тrollope «апперцепцию» – способность ясно видеть суть человеческих характеров и поступков, умение «самозабвенно и терпеливо сосредоточиваться на других людях» [2. С. 54]. Именно это, по мнению Сноу, вызывало столь сильное восхищение в Толстом с его «колоссальным эго, которое требовало непрерывного подавления» [Там же. С. 55]. «В двух своих великих романах Толстой добивается того, что у Тrollope получалось само собой» [Там же], – заключает автор очерка.

Помимо работы Ч.П. Сноу можно указать на предисловие А.А. Елистратовой к первому в России изданию романа «Барчестерские башни» [3]; обзорное исследование С.Э. Нураловой «Лев Толстой и викторианский роман» [4], в котором кратко очерчивается круг схожих тем и образов в произведениях писателей², а также статьи В.А. Бячковой³ [5, 6]. Главной причиной столь малого внимания к теме творческого диалога Толстого с Тrollopeм является, скорее всего, то, что после революции романы английского писате-

ля практически не издавались в России – исключением является роман «Барчестерские башни», переведенный И.Г. Гуровой в 1970 г. В отечественном литературоведении Тrollope также был причислен к второстепенным именам⁴ и на сегодняшний день может с полным правом называться в России «забытым» писателем.

Между тем дневники, письма и материалы личной библиотеки Толстого содержат обширный фактический материал, подтверждающий интерес писателя к творчеству Тrollope и позволяющий проследить хронологию его изучения. В фондах яснополянской библиотеки хранится 12 изданий Тrollope, все – на английском языке. Однако это явно не полный перечень произведений, которые были прочитаны Толстым: в 1865 г. он, например, упоминает в дневниках о знакомстве с романом «Бертраны» (с ним связан и приведенный выше отзыв), однако в библиотеке писателя это издание не сохранилось.

Известно, что уже в середине 1850-х гг. Толстой читал достаточно много английской литературы в подлиннике, поэтому теоретически он мог познакомиться с первым известным романом Тrollope «The warden» («Смотритель», или «Попечитель») уже в 1855 г., когда он был опубликован в Англии. Однако наличие в личной библиотеке Толстого издания романа «The warden» 1859 г. указывает скорее на более позднее его прочтение.

В 1865 г. Толстой оставляет целый ряд отзывов о Тrollope, читая его роман «The Bertrams» (1859). 29 сентября он записывает в дневнике: «Читал Тrollope. – Коли бы не diffusness. Хорошо» (48, 63). 1 октября писатель вновь фиксирует: «Читаю Bertrams – славно» (48, 64). 3 октября Толстой завершает чтение романа и делает более сдержанное заключение: «Условного слишком много» (48, 64).

В 1860-е гг. Толстой, вероятно, познакомился и с романом «Последняя хроника Барсета»: в яснополянской библиотеке хранится его издание 1867 г. Роман этот завершает цикл Тrollope «Барсетширские хроники», куда входят также «Смотритель» и «Барчестерские башни» (1857). В январе 1877 г. Толстой упоминает в письме к брату Сергею Николаевичу о чтении наиболее известного из «парламентских» романов Тrollope – «Премьер-министр» («The prime minister», 1876) и вновь дает высокую оценку: «Prime Minister прекрасно» (62, 302).

Среди хранящихся в личной библиотеке писателя изданий стоит также отметить известные романы Тrolлопа «The way we live now» («Как мы теперь живем», издание 1875 г.) и «An Eye for an eye» («Око за око», издание 1879 г.). Кроме того, Толстой мог быть знаком и с рядом романов Тrolлопа, переведенных на русский язык и опубликованных в России в 1860–1870-е гг.: «Оллингтонский малый дом» («The small house at Allington»), «Финиас Финн, ирландский член Парламента» («Phineas Finn: the Irish member»), «Финиас возвратившийся» («Phineas redux») и др. Немаловажно, что Толстой упоминает романы Тrolлопа в списке книг, которые произвели на него «большое» впечатление в возрасте с 35 до 50 лет (66, 68), т.е. как раз в период с середины 1860-х до конца 1870-х гг.

Современники Толстого цитируют и другие его похвальные отзывы о Тrolлопе: Р.Э.К. Лонг, например, вспоминает, что в 1888 г. писатель говорил о Тrolлопе как об одном из «наиболее талантливых современных писателей Англии», отмечая, однако, что его романы «целиком основаны на случайных происшествиях» [9. С. 114]. В том же году Толстой сообщал английскому журналисту У.Т. Стэду: «Три лучших английских романиста – это (по нисходящей): Диккенс, Теккерей, Тrolлоп, а после Тrolлопа, кто у вас есть еще?» [10. С. 108].

Легко заметить, что наряду с положительными отзывами Толстой указывает на те черты поэтики романов Тrolлопа, которые вызывают у него неприятие. Это некая «диффузность», которую можно трактовать как рассредоточенность, размытость – возможно, смыслов или сюжетных линий, а также условность и случайность романых ситуаций, на которых и строится повествование. Надо отметить, однако, что все три упрека Толстого нивелируются самим Тrolлопом: он фактически признает их в многочисленных «отступлениях» своих романов, где в чисто викторианском стиле размышляет о технологии создания художественных произведений. А.А. Елистратова называет это «обнажение условности» своеобразным «ироническим приемом» [11] писателя. Так, в одной из последних глав романа «Барчестерские башни» Тrolлоп с неподражаемой иронией восклицает:

«...Какой автор способен так рассчитать и расположить свои происшествия, разговоры, характеристики и описания, чтобы они заняли ровно сорок тридцать девять страниц, и избежать при этом неестественного нагромождения или растянутости в последних главах? Да разве мне самому не остается сейчас заполнить целых двенадцать страниц, и разве я не ломаю тщетно голову над тем, чтобы такого еще написать? А потом, когда труд будет завершен, даже самый мягкосердечный критик обязательно попрекнет нас неумелым и неуклюжим концом: окажется, что мы либо обленились и отнеслись к нему небрежно, либо перестарались и испортили его. Конеч скучен или нелогичен, надуман или нелеп» [12. С. 475, 476].

Обвинение в том, что романы Тrolлопа «целиком основаны на случайных происшествиях», выявляет еще одну существенную особенность поэтики его романов. Писатель блестяще воспроизводит внутренние мотивировки поступков героев, однако в целом его

образы остаются статичными: ни один из характеров не меняется под влиянием происходящих событий. Мастерство Тrolлопа заключается в том, что читатели, как пишет Уильям Кэдбери, «склонны забывать о том, что они [герои] не меняются, а скорее раскрывают свой характер в действии» [13. С. 154].

Понятно, что в таком случае выбор событий для фабулы романа может быть абсолютно случайным, поскольку происходящее не направлено на внутренний рост, преобразование героев. Интриги нужны Тrolлопу, чтобы продемонстрировать своеобразное отношение героев к жизни, показать «скорее характер, чем личность» [Там же].

Эту особенность тrolлоповского психологизма можно с уверенностью отнести к тому, что Толстой называет «не мое» в романах английского писателя. Сама методика отбора характеров, как и проекция их изображения, у Тrolлопа является радикально иной: он фокусирует внимание, прежде всего, на слабостях своих героев, которые подчас толкают их к не самым благовидным поступкам. Как пишет А.А. Елистратова, «эгоизм в его различных видах и степенях оказывается едва ли не всеобщим двигателем всех персонажей Тrolлопа» [11], даже самых симпатичных. Впрочем, и эту особенность английский романист открыто признает на страницах своих произведений: «Горести наших героев и героинь – вот что улаживает тебя, о публика! Их горести, их грехи и глупости, а не их добродетели, здравомыслие и последующие награды» [12. С. 475].

Не случайно наиболее яркими образами Тrolлопа стали герои с отчетливо выраженными недостатками: в «Барсетширских хрониках» это властная миссис Прауди и ее безвольный муж-епископ, энергичный и изворотливый капеллан Слоуп, воинственный и упрямый доктор Грантли. Согласимся, что в художественном мире Толстого на первый план выступают совсем другие герои – Андрей Болконский, Пьер Безухов, Наташа Ростова, Константин Левин. Они тоже не лишены недостатков, но жажда совершенствования, непрерывность развития обуславливает их нравственную победу над обстоятельствами.

Однако в романах Тrolлопа присутствуют и такие герои, с помощью которых автор словно пытается «уравновесить» общую систему несовершенных образов. Один из примеров тому – священник, профессор Оксфордского университета и поэт Фрэнсис Эйрбин⁵, герой четырех из шести романов «Барсетширской хроники». Характерно, что хотя этот положительный персонаж и играет значительную сюжетную роль в романах цикла, особенно в «Барчестерских башнях», он практически не заметен на фоне своих харизматичных соперников – как в церковном расколе Барчестера, так и в борьбе за сердце Элинора Болд, своей будущей жены. Исследователь Памела Хансфорд Джонсон откровенно сетует, что этот «весьма скучный тип приходит на смену молодому и импульсивному Джону Болду» [14. С. 145], первому мужу Элинора.

Фрэнсис Эйрбин действительно достаточно пассивен, незмоционален, даже робок рядом с традиционно энергичными и вспыльчивыми героями Тrolлопа.

Однако писатель наделяет его другими, не менее важными характеристиками: Эйрбин становится одним из немногих героев Тrolлопа, осознанно ищущих себя и свой путь в жизни, и на этом пути он переживает ряд серьезных духовных кризисов. Один из них описан в ретроспективе: вводя героя в повествование в одноименной главе «Барчестерских башен», Тrolлоп рассказывает, что во время своего обучения в Оксфорде он чуть было не перешел в католичество, поддавшись влиянию своего учителя Джона Ньюмена, известного церковного деятеля Великобритании середины XIX в. То был «страшный час его жизни» [12. С. 165], — пишет Тrolлоп. «Но провидение было к нему милостиво: на пустынных берегах дальнего моря он встретил человека, который постепенно успокоил борение его духа, вернул мир его воображению и научил его долгу христианина» [Там же. С. 166, 167].

Второй кризис настиг Эйрбина уже по приезде в Барчестер: отдав много лет делу борьбы за принципы высокой церкви в Оксфорде и презрительно отвергая земные блага, герой понимает, что сейчас нуждается именно в них: «Мечты его юности рассеялись, и в сорок лет он уже не чувствовал себя способным к апостольским трудам. <...> Он мечтал о положенной ему доле земного счастья, которое принесли бы ему жена, дети и счастливый семейный очаг, о том простом комфорте, который прежде высокомерно отвергал — по неразумию, как понял он теперь» [Там же. С. 172]. Эта внутренняя драма, отягощенная зародившимся в Эйрбине чувством к Элинон Болд, и заставляет героя пребывать в молчаливой пассивности, в то время как другие персонажи активно воюют за первенство в епархии и руку Элинон.

Выявляя «свое» и «не свое» в романах Тrolлопа, Толстой, думается, должен был обратить внимание на такого героя, изображение которого было весьма близко его собственным художественным принципам. Нехарактерный для троллоповского образного ряда Эйрбин был вполне «своим» для Толстого и во многом сближается, на наш взгляд, с образом Левина из романа «Анна Каренина» (1873–1877).

К сожалению, у нас нет свидетельств того, что Толстой был знаком с романом «Барчестерские башни», хотя два других романа из цикла «Барсетширские хроники» есть в его личной библиотеке, и в одном из них — «Последней хронике Барсета» — Эйрбин также является действующим лицом. Тем не менее нам представляется целесообразным провести сравнительно-типологический анализ двух названных образов — Левина и Эйрбина, основываясь именно на материале «Барчестерских башен» (1857).

Героев Тrolлопа и Толстого сближает, прежде всего, их равнодушное, даже страстное отношение к общему делу. Эйрбин — убежденный сторонник высокой церкви, и «готов был сражаться за свою партию» [Там же. С. 173]: «...он с жаром участвовал в выборах, заседал в комитетах, рвал и метал против любого проекта университетской реформы и добродушно рассуждал за рюмкой портвейна о гибели, грозящей церкви» [Там же. С. 168]. Левин, хотя и не любит участвовать в общественной деятельности, точно так же энергично бьется над усовершенствованием

своего хозяйства и написанием книги о его основаниях с высокой целью: «Это дело не мое личное, а тут вопрос об общем благе. Все хозяйство, главное — положение всего народа, совершенно должно измениться. Вместо бедности — общее богатство, довольство; вместо вражды — согласие и связь интересов. Одним словом, революция бескровная, но величайшая революция, сначала в маленьком кругу нашего уезда, потом губернии, России, всего мира» (18, 363).

Как и Эйрбин, Левин на своем пути переживает ряд духовных кризисов. Они настигают героя «волнообразно», причем каждый раз он обдумывает свою жизнь в деревне, в уединении. Первый кризис случается после отказа Кити, второй — перед отъездом за границу, после визита умирающего брата Николая, третий — в финале, через год после женитьбы. Эйрбин точно так же в момент кризиса уезжает в провинцию, чтобы там принять окончательное решение о своей судьбе: «Скрывшись в глухой деревушке на диком побережье одного из самых отдаленных наших графств, он вопрошал свою совесть, есть ли у него право остаться в лоне своей матери-церкви» [12. С. 166].

И здесь Тrolлоп вводит в описание прошлого героя малозаметную, но чрезвычайно важную для Толстого деталь: в момент мучительного выбора Эйрбина спасает простой деревенский житель, «неимущий младший священник глухого корнуэльского прихода» [Там же. С. 167] — один из тех, на кого, как психологически точно подмечает автор, молодой и талантливый служитель церкви ранее смотрел «сверху вниз». Эйрбин, как пишет Тrolлоп, не просто «презирал здравый смысл простых людей» [Там же. С. 166], но самонадеянно намеревался в будущем «влиять веру и энергию в сердца этих служителей божьих, которые, по его мнению, предпочитали тихонько брести по жизни без того и без другого» [Там же. С. 167].

Сельский священник учит героя двум вещам — смирению и преодолению эгоизма. Он указывает Эйрбину, что «христианином должен руководить закон внутренний, а не внешний», и что, «пытаясь обрести спасение в стенах Рима, он только эгоистически ищет безопасности для себя» [Там же]. И герой усваивает урок: много лет спустя, появившись в Барчестере, он, хотя и «казался весьма самоуверенным... во внутренней жизни сердца... стремился к смирению» [Там же. С. 168]. Непрерывная внутренняя работа Эйрбина над собой подчеркивается и упоминанием о том, что он ежегодно ездит в приморскую деревушку в Корнуэлле к своему наставнику.

В системе ценностей Толстого народная мудрость точно так же регулярно одерживает верх над гордостью и самолюбивым отчаянием Левина. В сцене возвращения героя из Москвы после неудачного сватовства воплощением этой мудрости становится его старая няня и экономка Агафья Михайловна. Она отвлекает Левина от тяжелых мыслей рассказом о том, «как Прохор Бога забыл» (18, 102), а потом приводит его в состояние душевного равновесия словами: «Ничего, батюшка. Было бы здоровье, да совесть чиста» (18, 103).

В финале, когда Левин вновь находится «в мучительном разладе с самим собою» (19, 369) и близок к самоубийству, не в силах ответить, «что он такое и

для чего он живет» (19, 371), героя вновь спасает общение с народом. Мужик Федор объясняет Левину, что «люди разные; один человек только для нужды своей... только брюхо набивает», а другой – «для души живет. Бога помнит» (19, 376). Очевидно, что это выражение прямо корреспондирует со словами Агафьи Михайловны в начале романа. И Левин признает, что его поиски истины до сего момента были только «гордостью ума» (19, 379), и что он «мог жить только благодаря тем верованиям, в которых был воспитан» (19, 379). Фактически это тоже возвращение к уже известным герою истинам, возвращение к вере.

Немаловажно, что выход Левина из духовного кризиса как в начале, так и в финале романа «Анна Каренина» освящается семейным идеалом героя – сначала умозрительным, связанным с моделью семейной жизни в доме Кити («Левин был влюблен именно в дом, в семью... Щербацких» (18, 24)), а в конце – воплощенном в реальном образе Кити с младенцем на руках. Не случайно прозрение Левина сопровождается и осознанием своей любви к маленькому сыну.

Эти мечты о семейном счастье сопровождают и Эйрбина на протяжении всего повествования в «Барчестерских башнях». Приехав в дом архидьякона Грантли, он «глядел на жену и детей своего друга с завистью и только-только что не пожелал милую гостиную ближнего своего... и весь уют этого дома, а главное, ту семейную атмосферу, которой он был проникнут» [12. С. 171]. Именно в доме архидьякона Эйрбин знакомится со своей будущей женой, младшей сестрой миссис Грантли. Одна из финальных сцен романа, когда Эйрбин и Элинора открывают друг другу свои чувства, также освящена не столько романтическим ореолом, сколько семейным идеалом героя: «Элинора, моя Элинора, моя жена!» – восклицает Эйрбин в восторге, а героиня сразу вслед за тем приносит ему своего маленького сына, чтобы он «прижал мальчика к груди, как бы усыновляя его» [Там же. С. 460].

В тексте обоих романов, однако, присутствует и полноценная любовная линия: как и Левин, Эйрбин вначале получает отказ своей избранницы, хотя и не выраженный прямо. Элинора не отдает предпочтение другому, однако она оскорблена уверенностью Эйрбина в этом. Тема соперничества в любви также имеет существенное значение в текстах произведений: в «Анне Карениной» отношения Кити с Вронским служат завязкой главной сюжетной линии романа, а в «Барчестерских башнях» стремление карьериста Слоупа стать мужем богатой вдовы Болд вообще является едва ли не главным двигателем романного действия наравне с внутрицерковными интригами.

Существенно, что в ситуации соперничества оба главных героя ведут себя схожим образом: они безвольно покоряются обстоятельствам, легко верят в искреннее чувство своей избранницы к другому и негодуют на нее: Левин ощущает «чувство злости за оскорбление» (18, 284), Эйрбин «без конца мысленно упрекал» [12. С. 353] Элинора.

Не переставая любить, оба героя готовы отказаться от нового предложения, однако к нему их подталкивают героини второго плана. Левина переубеждает

Долли Облонская, которая указывает, что его оскорбление отказом Кити – только «гордость и гордость» (18, 285). Эйрбина принуждает действовать оболстительная и эксцентричная красавица синьора Нерони, которая ради развлечения решает помочь влюбленным, а, кроме того, прямо проговаривает то, что мучает героя в его нынешнем положении: «Человек делает величайшую ошибку, воображая, будто простые житейские блага недостойны того, чтобы к ним стремиться. <...> Вы пытаетесь презирать эти блага, но вам это не удастся» [12. С. 358]. Синьора указывает Эйрбину, что его причина его несчастья – все те же гордость и чрезмерный аскетизм. И Долли, и Маделина Нерони, хотя и с разными намерениями, проявляют наибольшую чуткость к чувствам героев, они видят то, к чему слепы другие, даже более близкие Левину и Эйрбину персонажи.

Отношения Эйрбина с синьорой вводят в роман еще один мотив – искушения героя, его перехода в запретное, греховное пространство. Он не влюблен в синьору, как Слоуп, однако проводит много часов у ее кушетки, будучи «одурманен» чарами красавицы Маделины. Эйрбин в этот момент, как пишет Троллоп, «почти не сознавал, что делает и что говорит», хотя «затронута было не столько его сердце, сколько рас-судок» [Там же. С. 386].

В романе Толстого эту роль Маделины Нерони играет по отношению к Левину Анна Каренина. Эпизод единственной встречи двух ключевых героев наиболее наглядно демонстрирует, что Анна окончательно выбирает зло: в конце она признает, что хотела влюбиться в себя Левина и поступала безнравственно. Ее обращение с героем, с виду простое и искреннее, – только игра, в нем очевидно то же желание поработать и властвовать над мужчинами, что и у героини Троллопа.

Сцены «порабощения» Левина и Эйрбина схожи даже в ряде психологических деталей. Так, обе героини схожим образом добиваются от героев признания своей красоты. Показательна физическая реакция участников обеих ситуаций: герои сильно смущены, что выдает их искренность; героини, напротив, играют и упиваются производимым эффектом:

– Если вы будете глядеть на меня так, мистер Эйрбин, я перемену мнение... вернее, переменяла бы, не знай я, что не обладаю красотой, достойной чьего-либо внимания.	– Не правда ли, необыкновенно хорошо? – сказал Степан Аркадьич, заметив, что Левин взглядывал на портрет.
Он жгуче покраснел , но она не покраснела вовсе. Румянец на ее щеках лишь заиграл чуть живее, придавая ей новую прелесть ⁶ [12. С. 359].	– Я не видал лучше портрета. – И необыкновенно похоже, не правда ли? – сказал Воркуев. Левин поглядел с портрета на оригинал. Особенный блеск осветил лицо Анны в то время, как она почувствовала на себе его взгляд. Левин покраснел и, чтобы скрыть свое смущение, хотел спросить, давно ли она видела Дарью Александровну... (19, 274, 275)

Объединяет сцены и мнимое великодушие героинь к избранницам героев: Маделина обещает устроить брак Эйрбина («незачем говорить, что предложение синьоры было не совсем искренним» [12. С. 360], – добавляет Тrolлоп), Анна на прощание говорит Левину: «Передайте вашей жене, что я люблю ее... Чтобы простить, надо пережить то, что я пережила, а от этого избави ее Бог» (19, 279). Неискренность Анны выдают прищуренные глаза – постоянная характеристика героини во второй части романа.

В отличие от одурманенных героев, их избранницы хорошо понимают цену этой мнимой доброты: Элинора жестоко ревнует и признается, что «возненавидела бы мистера Эйрбина, если бы смогла» [12. С. 417]; Кити обвиняет Левина, что он «влюбился в эту гадкую женщину» (19, 281), и герой окончательно убеждается, что поддался обману и его нравственные подозрения были верны: «было что-то *не то* в нежной жалости, которую он испытывал к Анне» (19, 280).

Мотив искушения и соблазнения героя женскими чарами сближает образ Эйрбина с еще одним более поздним толстовским образом – отца Сергия. Немажественно, что оба эти героя – священнослужители.

Сергий фактически проходит через искушение почти дважды: первый раз – в сцене с Маковкиной, которая на спор взялась соблазнить «красавца пустытника» (31, 17), а второй – в ситуации со слабоумной дочерью купца. Но если в первом случае Сергей не ждет и не желает искушения, то к моменту своего падения с дочерью купца он находится в принципиально иной ситуации. Точно так же, как Эйрбин, который в момент душевного кризиса сам хотел «быть плененным» [12. С. 356] синьорой, герой Толстого стремится забыться, избавиться от своей тоски, и нравственная сторона его поведения почти не беспокоит героя.

К моменту финального кризиса Сергей чувствует, что потерял ощущение «чистоты, смирения и любви» к людям – а потому к нему естественно приходят иные, греховные помыслы: «Ему было приятно узнать, что купцовой дочери двадцать два года, и хотелось знать, красива ли она. И, спрашивая о ее слабости, он именно хотел знать, имеет ли она женскую прелесть или нет» (31, 35).

Обе героини-соблазнительницы одинаково получают в произведениях Толстого и Тrolлопа определение «дьявола». «Марья. Ты дьявол» (31, 36), – говорит Сергей; в «Барчестерских башнях» это определение опосредованно дается синьоре Нерони в мыслях мистера Слоупа после того, как героиня жестоко посмеялась над ним: «Ее атрибутами были теперь огонь и сера...» [12. С. 441]; Эйрбин во время бесед с синьорой также не может понять, «в аду он или на небесах» [Там же. С. 386].

С образом отца Сергия героя Тrolлопа сближает и ситуация спасения простым человеком – в повести Толстого это финальный разговор Сергия с учительницей музыки, которая бесхитростным рассказом о своей жизни приводит героя к пониманию: «Пашенька именно то, что я должен был быть и чем я не был. Я жил для людей под предлогом Бога, она живет для Бога, воображая, что она живет для людей» (31, 44). Очевидно, что этот вывод продолжает и развивает истину о необходимости «Бога помнить», пришедшую к Левину в финале «Анны Карениной».

Проведенное исследование, конечно, не освещает все точки пересечения в эстетике, нравственно-философской позиции, художественной манере Тrolлопа и Толстого. Однако по его итогам можно с большей уверенностью сделать вывод о том, что внимательное прочтение и анализ Толстым произведений английского писателя не только способствует переосмыслению им собственных художественных принципов, но и находит отражение в творчестве Толстого – в частности, в самом «английском» и, пожалуй, самом «сюжетном» его романе «Анна Каренина». Восхищаясь даром «апперцепции» Тrolлопа и порицая его за условность и случайность его сюжетов, Толстой не мог не уловить в «Барсетширской хронике» стремление писателя к поиску положительного героя, способного к саморефлексии и саморазвитию. Эта цель будет в большей степени реализована Тrolлопом в его более поздних «парламентских» романах, главному из которых, роману «Премьер-министр», Толстой дал столь однозначное определение «прекрасно».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [1] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

² Так, С.Э. Нурадова сравнивает образы и сюжетные ситуации романа Тrolлопа «Можно ли ей простить?» и «Анны Карениной» Толстого; психологическое состояние епископа Прауди из «Последней хроники Барсета» и княжны Марьи в момент смерти близких людей; отмечает ряд художественных деталей, присутствующих и в творчестве Толстого, и в романах Тrolлопа «Смотритель» и «Приход Фрэмли».

³ Отметим также статью В.А. Бячковой [7], где исследователь обращается к анализу романа Э. Тrolлопа «Барчестерские башни».

⁴ Это доказывает, например, фраза из «Истории английской литературы» 1955 г.: «У Тrolлопа не возникало даже намека на какой-либо конфликт с буржуазным обществом, естественный для больших художников его времени» [8. С. 423].

⁵ Мы воспроизводим фамилию героя по переводу «Барчестерских башен» И.Г. Гуровой, в исследованиях встречаются другие переводы фамилии Arabin – Эрабин, Арабин.

⁶ “If you look at me like that, Mr Arabin, I shall alter my opinion – or should do so, were I not of course aware that I have no beauty of my own worth regarding”. The gentleman blushed crimson, but the lady did not blush at all. A slightly increased colour animated her face, just so much so as to give her an air of special interest [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
2. Сноу Ч.П. Творчество Тrolлопа // Сноу Ч.П. Портреты и размышления. М., 1985. 368 с.

3. Елистратова А. Предисловие // Тrollope А. Барчестерские башни. М., 1970. URL: <http://lib.rus.ec/b/216094/read> (дата обращения: 20.05.2014).
4. Нуралова С.Э. Лев Толстой и викторианский роман. Ереван, 2010. С. 43–57.
5. Бячкова В.А. «Размышления о женской судьбе» в русском и английском реалистическом романе второй половины XIX века (на материале произведений Э. Тrollope и Л.Н. Толстого) // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. Владимир, 2010. С. 34–39.
6. Бячкова В.А. Размышления о несчастливых семьях» в русском и английском реалистическом романе второй половины XIX века (на материале романов Л.Н. Толстого и Э. Тrollope) // Мировая литература в контексте культуры : сб. материалов VII Междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры». Пермь, 2010. С. 97–100.
7. Бячкова В.А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Тrollope и «Соборных» Н.С. Лескова // Филология и культура. 2013. № 3 (32). С. 80–84.
8. Кузьмин Б.А. Антони Тrollope // История английской литературы : в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 418–423.
9. Лонг Р.Э.К. Записи разговоров с Л.Н. Толстым (1898–1903) // Толстой и зарубежный мир. М., 1965. (Лит. наследство. Т. 75. Кн. 2.)
10. Два английских собеседника: Воспоминания Уильяма Томаса Стада и Роберта Эдварда Крозье Лонга // Толстой и зарубежный мир. М., 1965. С. 98–120. (Лит. наследство. Т. 7. Кн. 2.)
11. Елистратова А. Предисловие // Тrollope А. Барчестерские башни. М., 1970. URL: <http://lib.rus.ec/b/216094/read> (дата обращения: 20.05.2014).
12. Тrollope А. Барчестерские башни. М., 2010. 509 с.
13. Cadbury W. Character and the mock-heroic // Trollope. The Barsetshire novels / A casebook ed. by T. Bareham. London ; Basingstoke, 1983. P. 149–162.
14. Hansford Johnson P. “The most amiable of novelists” // Trollope. The Barsetshire novels / A casebook edited by T. Bareham. London ; Basingstoke, 1983. P. 143–149.
15. Trollope A. Barchester Towers. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/2432/pg2432.txt> (дата обращения: 8.07.2014).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 сентября 2014 г.

“I CONSOLE MYSELF THAT HE HAS HIS OWN, AND I HAVE MINE”: LEO TOLSTOY’S CREATIVE DIALOGUE WITH ANTHONY TROLLOPE

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 15–21. DOI: 10.17223/15617793/389/2

Gnyusova Irina F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; A. Trollope; creative dialogue; novel; character; psychological analysis; clergyman.

Leo Tolstoy’s diaries, letters and the materials of his private library contain extensive facts which confirm his interest in Anthony Trollope’s works. The author of the paper tries to outline divergences and crosspoints in the writers’ method by analysing the main characters of their novels. In 1865 Tolstoy made several comments about Trollope’s novels. Along with positive responses he indicated features, not acceptable for him (“diffuseness”, “there is too much contingent”). Trollope brilliantly reproduces the inner motivations of acts which characters make, but they all remain static in whole. The method of choice of characters also differs: Trollope focuses mainly on the weak points of his characters. It is no coincidence that Trollope’s brightest characters have strongly pronounced demerits. Tolstoy brings other characters to the forefront: thirst of perfection is a condition of their moral victory over circumstances. But there are such characters in Trollope’s novels which help as if to balance this system of imperfect characters. One of them is Francis Arabin, a clergyman, a character of the four out of six novels of the Barchester Chronicles. Arabin is passive, unemotional, even shy. But he consciously finds his own way of life and goes through several serious moral crises. Unrepresentative for Trollope’s system of characters, Arabin was quite “peculiar” for Tolstoy; and, in our opinion, he is close with Levin’s character in *Anna Karenina*. We have no evidence that Tolstoy was acquainted with *Barchester Towers*, but we deem expedient to do a comparative-typological analysis of two characters, Levin and Arabin, using the matter of this novel. The characters of Tolstoy and Trollope are alike in their non-indifferent, even impassioned attitude to a common cause. The ordinary country clergyman saves Arabin at the time of a painful moral crisis. Just the same folk wisdom prevails over Levin’s pride and selfish despair in Tolstoy’s moral system. Dreams about family happiness also bring Arabin and Levin together. We can find crosspoints in the love plots of the two novels, too. Both characters undergo temptations on the path to happiness, fallen under the charms of Madeline Neroni and Anna Karenina. The scenes of “enslavement” of Arabin and Levin are similar even in some psychological details. The motive of temptation and seduction of the character by woman charms allows to compare the character of Arabin with one more Tolstoy’s character – Father Sergius. It is significant that they both are clergymen. The situation of an ordinary man helping each of them also makes the characters close. The research shows that Tolstoy’s attentive reading and analysis of Trollope’s novels do not only promote rethinking of his own creative method, but also finds reflection in Tolstoy’s works.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works. In 90 vols.]. Moscow; Leningrad, 1928–1958.
2. Snow Ch.P. *Portrety i razmyshleniya* [Portraits and Reflections]. Moscow: Progress Publ., 1985.
3. Elistratova A. *Predislovie* [Introduction]. In: Trollope A. *Barchesterskie bashni* [Barchester Towers]. Moscow, 1970. Available at: <http://lib.rus.ec/b/216094/read>. (Accessed: 20th May 2014).
4. Nuralova S.E. *Lev Tolstoy i viktorianskiy roman* [Leo Tolstoy and the Victorian novel]. Erevan, 2010, pp. 43–57.
5. Byachkova V.A. [Reflections on the woman’s fate in Russian and English realist novel of the second half of the 19th century (based on the works of A. Trollope and Leo Tolstoy)]. *Zhanr i ego metamorfozy v literaturakh Rossii i Anglii* [Genre and its metamorphosis in the literatures of Russia and England]. Vladimir, 2010, pp. 34–39. (In Russian).
6. Byachkova V.A. [Reflections on unhappy families in Russian and English realist novel of the second half of the 19th century (based on the novels of Tolstoy and A. Trollope)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul’tury: sb. materialov VII Mezhdunar. nauch. konf. “Inostrannye yazyki i literatura v kontekste kul’tury”* [World literature in the context of culture: Proc. of the VII International Scientific Conference “Foreign languages and literature in the context of culture”]. Perm, 2010, pp. 97–100. (In Russian).
7. Byachkova V.A.. The image of clergy in the “Chronicles of Barsetshire” by Anthony Trollope and “The Cathedral Clergy” by N. Leskov. *Filologiya i kul’tura – Philology and Culture*, 2013, no. 2 (32), pp. 80–84. (In Russian).
8. Kuz’min B.A. *Antoni Trollope* [Anthony Trollope]. In: *Istoriya angliyskoy literatury: v 2 t.* [History of English Literature: in 2 vols.]. Moscow, 1955. Vol. 2, pp. 418–423.

9. Long R.E.C. *Zapisi razgovorov s L.N. Tolstym (1898–1903)* [Records of conversations with Leo Tolstoy (1898–1903)]. In: *Tolstoy i zarubezhnyy mir* [Tolstoy and foreign world]. Moscow: Nauka Publ., 1965.
10. *Dva angliyskikh sobesednika: Vospominaniya Uil'yama Tomasa Stada i Roberta Edvarda Kroz'era Longa* [Two English interlocutors: Memoirs of William Thomas Stead and Robert Edward Crozier Long]. In: *Tolstoy i zarubezhnyy mir* [Tolstoy and foreign world]. Moscow: Nauka Publ., 1965, pp. 98–120.
11. Elistratova A. *Predislovie* [Introduction]. In: Trollope A. *Barchesterskie bashni* [Barchester Towers]. Moscow, 1970. Available at: <http://lib.rus.ec/b/216094/read>. (Accessed: 20th May 2014).
12. Trollope A. *Barchesterskie bashni* [Barchester Towers]. Translated from English. Moscow: AST Publ., 2010. 509 p.
13. Cadbury W. *Character and the mock-heroic*. In: Bareham T. (ed.) *Trollope. The Barsetshire novels*. London; Basingstoke, 1983, pp. 149–162.
14. Hansford Johnson P. *The most amiable of novelists*. In: Bareham T. (ed.) *Trollope. The Barsetshire novels*. London; Basingstoke, 1983, pp. 143–149.
15. Trollope A. *Barchester Towers*. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/2432/pg2432.txt>. (Accessed: 8th July 2014).

Received: 18 September 2014